

Байли Сюнь с его истинным психологическим возрастом не мог не вздохнуть с сожалением. Ведь да-шисюн сейчас был чуть старше двадцати, а его собственное тело едва перешагнуло этот рубеж!

Затем, с недобрыми намерениями, он постучал в дверь комнаты да-шисюн и шимэй.

— Шисюн, шимэй, уже не рано, — сказал он с легкой насмешкой.

Однако внутри не было никакого движения.

Байли Сюнь начал беспокоиться. Шимей — это одно, но да-шисюн, как человек, занимающийся боевыми искусствами, должен был обладать острым слухом. Он говорил и стучал так громко, почему же не было никакой реакции?

— Шисюн? Шимей? Я вхожу?

Снова не получив ответа, он толкнул дверь. Внутри было пусто, даже постели были аккуратно заправлены, как будто никто и не спал здесь.

Он поспешил вернуться к Вань Чаоюаню, который уже встал. Увидев его беспокойство, тот спросил:

— Что случилось? Еда закончилась?

— Шисюн и шимей пропали!

Вань Чаоюань слегка нахмурился, что было для него редким выражением лица.

— А та девушка?

Байли Сюнь вспомнил о Янь Лин и тут же побежал к ее комнате. Из уважения к женской комнате он сначала постучал. Снова не было ответа. Он вошел внутрь, и там тоже было пусто.

Он быстро вернулся.

— Ее тоже нет.

С досадой он сел на кровать. Казалось, с тех пор как он сюда попал, он только и делал, что приносил несчастья окружающим. В оригинальной истории спуск с горы для тренировки был простым делом: просто сражайся с монстрами, повышай уровень и, наконец, победи главного босса.

Но с самого первого квеста все пошло не так, и до сих пор они сталкивались с одними неприятностями.

То же самое было и в детстве. Его отец был по уши в долгах, часто напивался, а мать давно бросила их, чтобы развестись, и даже его самого оставила.

Тогда Байли Сюнь еще не ушел от отца, и тот, напившись, часто говорил:

«Ты настоящий невезучий. Если бы не ты, я бы не начал играть в азартные игры. Разве ушла бы твоя мать, если бы не это?»

Эти слова пьяного мужчины навсегда врезались в его маленькое сердце.

Позже отец исчез совсем. Байли Сюнь не знал, сбежал ли он от долгов или его убили.

Его это не волновало, не потому что он был бессердечным, а потому что он думал, что сможет избавиться от клейма «невезучего».

Пока заимодавцы не нашли его, пока он годами безропотно выплачивал долги. Он знал, что не сможет избавиться от этого, он был невезучим.

Как и сейчас.

Он подвел шисюн и шимей, навредил Вань Чаоюаню.

Все, кто был близок к нему, в конце концов приходили к такому финалу.

Он не должен был надеяться. Он не был Байли Сюань, у него не было ауры главного героя.

Вань Чаоюань сильно потряс Байли Сюня. Цветок на его лбу становился все ярче, красиво, но это было не к добру.

Но на этот раз было не так просто, как раньше. Он погрузился в кошмар, который сам себе создал, и на этот раз он был особенно сильным.

Это было то, что он долго подавлял в глубине души.

— Сюньэр, проснись.

Но такие призывы не помогали. Байли Сюнь словно запер себя в клетке, куда никто не мог проникнуть.

Вань Чаоюань вспомнил о предыдущем методе. Он прикоснулся губами к губам Байли Сюня. В прошлый раз достаточно было одного касания, чтобы разбудить его, но на этот раз эффект был слабым.

Вань Чаоюань одной рукой коснулся его лба. Цветок, казалось, немного испугался, потускнел. Байли Сюнь начал бороться, но Вань Чаоюань другой рукой крепко обнял его за талию, не давая двигаться, и не отпускал его губы. Сначала их губы просто плотно прижались друг к другу, но затем Вань Чаоюань, словно сам того не зная, открыл его губы, и его язык скользнул внутрь. Байли Сюнь пытался уклониться, но он настойчиво преследовал его.

Цветок постепенно тускнел, пока не исчез совсем. Когда взгляд Байли Сюня перестал быть пустым, он с опозданием осознал, что Вань Чаоюань снова его поцеловал!

И это был поцелуй с языком!

Его талия все еще была крепко обнята Вань Чаоюанем, и он хотел что-то сказать, но его язык был пойман, и он мог только бормотать.

Странно, но сердце Байли Сюня бешено колотилось, чего он не испытывал за все свои тридцать лет.

Хотя он и не сталкивался с этим раньше, он не был глуп.

Такое явление нужно было немедленно остановить. Он укусил Вань Чаоюаня за губу, и от боли они наконец разъединились.

Губа, которую он укусил, слегка опухла, что неожиданно добавило ей соблазнительности, заставив Байли Сюня покраснеть и учащенно забиться сердцем.

— Э-э-э, я просто...

Вань Чаоюань легонько погладил свою губу с легкой обидой в голосе.

— Я только хотел помочь Сюньэр, а ты так со мной...

Подожди, эти слова звучат очень двусмысленно! Даже губа не порвалась! И вообще, разве это нормально, чтобы двое мужчин постоянно целовались?

— Сейчас самое важное — найти шисюн, шимей и мисс Янь. Верно?

Байли Сюнь слегка покачал головой. Он чувствовал, что его мозг пуст. Только что он о чем-то думал, но теперь не мог вспомнить. Такое случалось не в первый раз. С тех пор, как они оказались в Минчэне, он часто терял контроль над собой, а потом все забывал.

Как будто это был сон. Он помнил, что видел сон, но не мог вспомнить его содержание.

Кто-то говорил, что забывать хорошо, неважно, хороший сон или плохой, не стоит обращать на это внимание.

Но его случай был другим. Хотя он не помнил, что именно было в его мыслях, он знал, что это было что-то ужасное, то, чего он боялся.

Это было страшнее, чем помнить содержание.

Но он уже привык скрывать свои истинные чувства.

— Куда нам идти? — быстро пришел в себя.

— Сегодня ты не выходи. Они сами найдут нас, — сказал Вань Чаоюань.

— Сами найдут? — Байли Сюнь не понял.

Вань Чаоюань сел на стол, налил себе воды и неспешно сказал:

— Нам нужно сыграть спектакль.

Он еще не успел поднести воду ко рту, как Байли Сюнь выхватил ее у него.

— Ты еще не выздоровел, как ты можешь пить холодный чай? Я принесу тебе горячей воды.

Он хотел выйти, но его дернули назад.

— Я сам. Сегодня ты не выходи. Так мы сможем спасти Цзюньчжи.

— Ладно, — Байли Сюнь протянул ему чайник. — Возвращайся поскорее, не простудись.

Вань Чаоюань улыбнулся, хотя его лицо было бледным, это не умаляло его привлекательности. Даже будучи мужчиной, Байли Сюнь чувствовал, что будь он женщиной, он бы точно влюбился в такого человека.

Пока Вань Чаоюань был занят, Байли Сюнь попытался привести свои мысли в порядок.

Хотя он не помнил тех вещей, он отчетливо помнил, как Вань Чаоюань называл его «Сюньэр».

Это звучало как звонкая мелодия, как забота матери.

В общем, это было тепло и приятно.

Казалось, его голос был лучшим, что могло пробудить что-то глубоко внутри него.

Но было ли это хорошо или плохо, все еще оставалось загадкой.

Он привык всегда думать о худшем. Хотя Вань Чаоюань действительно хорошо к нему относился, это делало его уязвимым, давало другим возможность манипулировать им.

Он привык быть один, хотя часто говорил, что хотел бы, как шимей, пережить бурный роман.

Но когда дело доходило до общения с людьми, даже просто дружбы, он хотел отступить.

Вскоре Вань Чаоюань вернулся с горячим чаем и налил Байли Сюню чашку.

— Попробуй, подходящая ли температура?

Байли Сюнь взял чашку, сделал глоток и кивнул.

— Да, пей.

Вань Чаоюань улыбнулся, налил себе чашку, сделал глоток и поставил ее на стол.

— Интересно, другие жены тоже такие, как Сюньэр?

Байли Сюнь чуть не выплюнул чай, с трудом проглотил, но поперхнулся и долго кашлял, пока горло не начало болеть. Наконец, он прочистил горло и хрипло спросил:

— Как могут другие жены сравниться со мной, мужчиной? Брат Чаоюань, ты шутишь.

— Сюньэр, ты думаешь, что все, что я говорю, — это шутки?

Опять это жалобное выражение лица!

И Байли Сюнь, не задумываясь, отрицал:

— Нет... я не это имел в виду.

Вань Чаоюань сразу же засиял от радости и снова приблизился к Байли Сюню.

— Я знал, что мой Сюньэр самый лучший!

— ? — Байли Сюнь застыл. Что? Он не ослышался? Вань Чаоюань только что сказал «мой»?